

А 33к/09/
А 193

ЛЮБАРСКИЙ =

УРОКИ АСТРАХАНИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА 1929 САРАТОВ

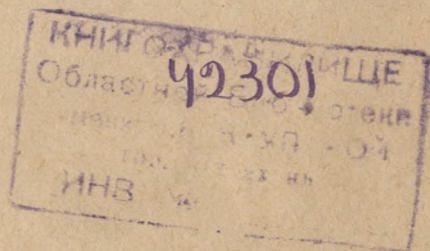
1983
и.р. 93
Н.-Волжский Краевой Комитет ВКП (б).

Л. ЛЮБАРСКИЙ.

УРОКИ АСТРАХАНИ.

Под редакцией и с предисловием

Ф. Густы.

Государственное Издательство.

Москва 1929 Саратов

Н.-В. Крайлит № 1633/XII. ГИЗ № 32038. Тираж 25.000.

Тип. № 2 Сарполиграфпрома.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Политический баланс астраханщины подведен постановлениями ЦК, ЦКК и Ниж. Вол. Крайкома ВКП(б). Громадный политический и хозяйственный ущерб, причиненный пролетариату и его партии в столице рыбной промышленности, описан в настоящей брошюре т. Любарского, б. ответ. инструктора Н.-Вол. Крайкома, руководившего обследовательской краевой бригадой и работающего ныне в Астрахани в качестве заворга ОК ВКП (б). Долг партработника сделал из него своего рода специалиста по астраханским делам.

Пятимесячная непрерывная работа облегчила т. Любарскому овладеть необычайно богатым и сложным предметом, все же брошюра имеет свои естественные недостатки, которые не могли быть устранены в настоящих условиях. Факты, вскрытые за последние шесть месяцев, требуют более углубленного анализа; вскрытые до сих пор дела и живые носители зла безусловно имеют отношение к фактам и людям, разоблачение и полное освещение которых возможно будет только после работы комиссии ЦКК и предстоящего приговора суда.

Тем не менее настоящая брошюра заслуживает внимания читателя, ибо она является первым, систематическим изложением фактов, имевших место в Астрахани, в основном вскрывает их причины и помогает ориентироваться в уроках, напрашивающихся перед лицом астраханщины.

Астраханщина в значительной мере отличается от своих пресловутых предшественников (Артемовск, Смоленск, Черноморский округ, Крым).

Облик астраханщины определяется следующими элементами: 1) неправильная политическая линия в практических вопросах хозяйственного строительства, 2) моральное разложение большей части партактива, 3) перерождение основных контрольно-регулирующих органов власти на фоне разлагающего влияния частного капитала. — Взаимодействия между этими составными частями астраханщины могут меняться, могут и переплетаться, первородство среди них принадлежит бесспорно частному капиталу.

Астраханщина, как лучше нельзя, — предостерегает, что генеральная линия партии есть серьезнейшая программа, которая требует упорства, ясности и последовательности применительно к конкретной обстановке работы.

Она же сигнализирует роковые последствия отсутствия самокритики, этого основного метода борьбы против собственных недостатков.

И, наконец, напоминает, что без проверки людей и поручений нельзя работать.

Среди астраханских руководителей были и безупречные и добросовестные партийцы. Их личный трагизм заключается в том, что они не умели применить эти приемы сегодняшнего дня к задачам сегодняшнего дня, поэтому оказались на целую голову ниже тех задач, которые требовали разрешения.

г. Саратов, 25 июня 1929 г.

Густин Ф.

1.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ФАКТЫ.

Голые факты и цифры рисуют самую неприглядную картину астраханского дела. Они требуют пристального внимания всей партии. Убедительнее всяких обобщений говорят они о том, что изломы генеральной линии партии, опираясь ли на политическое невежество, на обывательское ли безразличие, или на разложение в собственных рядах, совпадают с укреплением экономических и политических позиций классового врага и с неизбежностью влекут за собой процессы перерождения отдельных клеточек партии и власти.

Начнем с фактов.

1. Перерождение советского аппарата.

Вскрытые за последнее время (конец 28 г. — начало 29 г.) вредительские и уголовные дела в Астрахани характеризуют разложение основных звеньев советского аппарата и полное сращивание их с крупным частным капиталом. В связи с начатой оздоровительной работой в Астрахани, при помощи все более развертывающейся самокритики, объясняется, что число подвергшихся разложению звеньев советского, кооперативного и хозяйственного аппарата округа значительно больше, чем раньше предполагалось. В настоящее время безошибочно можно сказать, что в той или иной степени разложение коснулось почти всех звеньев и в том числе значительной части низового советского аппарата.

Во всех уже законченных следствием делах проходят свыше 200 человек и большое количество членов партии (около 45 человек), в том числе и рабочие, из которых большинство со стажем 17—20 г.г. Каждый день за тюремные решетки садятся вновь изобличаемые вредители, продававшие оптом и в розницу интересы партии и советской власти частнику и кулаку. Процесс очистки астраханского советского аппарата при помощи развертывающейся пролетарской самокритики ускоряется. Прокуратура, в делопроизводстве которой находится свыше 70 больших и малых дел, не поспевает очищать Астрахань от падали, купленной частником и кулаком.

Дело судебных работников явилось первым тревожным сигналом, что в астраханском соваппарате неблагополучно. Начатое летом 28 года, оно было бы несомненно смазано и ограничилось бы стрелочниками, если бы не вмешался краевой следственный аппарат (вскрытие дела совпало с началом районирования). Следователь краевой прокуратуры начал вновь ворошить, уже „законченное“ дело. В результате проведенного краевой прокуратурой глубокого следствия, по делу судебных работников проходило и пройдет дополнительно 18 человек, во главе с председателем губсуда Глазковым и его обоими заместителями. Из классового органа суд превратился в пьяную лавочку, где за недорогую цену можно было купить любой приговор. Растраты, взятки, понуждение женщин к сожительству, дискредитация советской власти, открытые пьяные оргии с нэпманами и прочими чуждыми элементами—все этим пестрит приговор по делу губсуда и нарсудов.

Работу нарсудов приговор характеризует, как: „полнейшее забвение классовых задач, попрание интересов трудящихся ради своих корыстных личных целей и полнейшая оторванность от широких трудящихся масс“.

Председатель губсуда Глазков, его заместитель Калинин приговорены к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией Второй заместитель и еще ряд су-

дебных работников, ранее работавших и даже работающих в настоящее время, будут судиться дополнительно. Несмотря на судебный процесс и чистку, в аппарате суда и в особенности нарсудов сохранились до сих пор взяточники и неприкрытые подкулачники.

Дело финработников. Массовая продажность финансового аппарата началась с 25 г. Частному капиталу удалось купить весь налоговый аппарат, ревизорский, губналогкомиссию и значительную часть экспертизы бухгалтеров. Все эти части финансового аппарата работали „дружно“ в интересах частного капитала, все взяточники были крепко связаны круговой порукой и покрывали друг друга. Взяточники совершенно не скрывали своей связи с нэпманами, которые оплачивали их кутежи и проституток.

Во внутреннем аппарате финотдела отлично знали, что наружный аппарат хорошо „зарабатывает“. На это дело „чинуши“, в том числе „члены партии“, не только смотрели сквозь пальцы, но многие энергично добивались перехода на работу в налоговый п/отдел. Откровенный цинизм доходил до того, что приходящих в финотдел нэпманов встречали возгласами „хлеб и дѣт“, что вызывало у всех присутствующих не возмущение, а поощрительный смех. Обо всем этом не могли не знать прежние возглавляющие финотдел работники, которые, пьянствуя вместе со взяточниками, покрывали их. Новые руководители финотдела, при которых взяточничество продолжалось, тоже сколько нибудь решительных мер для оздоровления аппарата не приняли. Всего по делу финотдела привлекается 32 финансовых работника во главе с бывшим заведывающим финансовым отделом, его заместителем и работавшим до последнего времени заведующим налоговым отделом. Кроме того, привлекаются 55 нэпманов—взятокодателей, выявленные взятки составляют 30 тыс. руб. Ряд других работников финансового отдела, не бравших взятки, но пьянствовавших и развратничавших вместе с вредителями и нэпманами, в том числе некоторые заведующие

подотделами, покрывавшие все безобразия в финотделе, в настоящее время еще до чистки исключены из партии. Все они до настоящего времени не хотели понять совершенных ими перед партией преступлений и даже во время открытого разбирательства их дела партколлегией КК, не стесняясь большой рабочей аудитории, держали себя, как „герои дня“. Для всей этой сорной травы расставание с партией не было трагедией. Единственно о чем они сожалели—это о вольготном житье и хорошей службе.

Экспертиза, работавшая по делу финотдела и проверявшая обложение по 44 фирмам, установила, что эти фирмы недообложены на 86,6% к собранной с них суммы налога. За 3 года недообложение этих форм принесло убыток государству 1.964.939 руб. по годам недообложение выразилось:

В 1925—26 г.	207.770 руб.
„ 26—27 г.	652.624 „
„ 27—28 г.	1.102.241 „

Если исходить из этого процента, то по всему частному сектору торговли и промышленности, недообложение составит не менее 6 млн. руб. Недообложение по отдельным наиболее мощным фирмам носило из ряда вон выходящий характер.

Частные фирмы.	Подлежало обложению.	Обложено.
А. Заславский и Ко (рыбопромышл.) .	174796 руб.	174 руб.
Бр. Заславские (рыбопромышл.) . . .	210470 руб.	68802 руб.
Ситников (торговля химическими и москательными товарами)	22870 руб.	1269 руб.

Дело Торготдела. Торготдельские работники во главе с бывшим заведывающим Панковым и заместителем Протодяконовым, ведающим регулированием рыбной промышленности (оба члена партии), за взятки увеличивали нормы заготовок частника, сквозь пальцы смотрели на нарушения конвенционных цен и проч.

За 2-е полугодие 28 года весь частно-капиталистический сектор, допустивший превышение полученных им норм на 144 тыс. центнеров, стоимостью в 5—6 миллионов рублей, был оштрафован как за нарушение конвенционных цен, так и за превышение нормы всего на 16.500 руб., зачастую даже налагаемые штрафы оставались не реализованными, благодаря продажности руководящих работников Торготдела.

Экспертиза по делу Торготдела подсчитала, что от перевыполнения частником нормы заготовок в осеннюю путину на 74%, госкооперативный сектор рыбопромышленности, лишившись этой продукции, потерял на росте себестоимости около 2 милл. рублей.

К настоящему времени установлено 102 случая взяток—около 25 тысяч рублей. Число взяток в действительности значительно выше, ибо, в целях ускорения слушания дела, дальнейшее расследование приостановлено. По этому делу привлекается 64 чел. Из них 15 торготдельских работников.

В деле ЦРК должностные преступления и бесхозяйственность перемежаются с элементами вредительства, связью с торговцами, устройством их на работу, покупкой прогоревших торговых заведений у частников, пьянками и кутежами с нэпманами, покровительством притонам и т. п. безобразиями. В аппарате ЦРК на 356 сотрудников было всего 18 рабочих и столько же вчерашних торговцев и кулаков. По делу ЦРК, по которому следствие еще не закончено, привлекается пока 34 человека, во главе со всем составом правления.

Весьма серьезный характер имеют преступления в горкоммунхозе, где безобразно извращалась классовая линия, заключались невыгодные для государства договоры с частниками, преступно демунципализовались дома, совершались безобразия при распределении квартир и пр. Часть годных домовладений, не менее 2000, не учитывались и ускользали от налога. В Астрахани можно сплошь и рядом встретить принадлежащие частникам прекрасные особняки, дома, состоящие из 20 и более квартир. По городу выявлено 117 домовладений, по всем признакам подходящих под муниципализацию, но почему то оставленные в собственности своих хозяев. Ко всему этому коммунхозовские чиновники относились, по понятным причинам, весьма снисходительно. За 28 год списано с частных арендаторов коммунальных торговых помещений 250 тысяч „безнадежных долгов“.

Далее идет ряд других дел в советских, кооперативных и хозяйственных учреждениях, где всегда неизменно красуется фигура частника. Все эти дела довольно крупные, охватывающие десятки участников. В этом перечне и Биржа Труда (протекционизм, кутежи, понуждение женщин к сожительству). Акторг (отпуск частникам дефицитных товаров за взятки, пьянство, кутежи, разложение). Окрсоюз потреббществ—(нарушение монополии внешней торговли и преступные убыточные сделки с персидскими купцами). Исправдом — (снабжение заключенных водкой, опиумом и оружием, превращение исправдома в решето, из которого мог в любое время выйти всякий преступник, снабжение частника мукой из магазинов И. Т. Д. и аналогичные сделки). Уголрозыск—(укрывательство преступников, поощрение частникам, связь с уголовным элементом и пр.) и так далее в том же духе. Даже скромное общество спасения на водах, вместо спасения утопающих, спасало частников от налогов, давая им возможность торговать под вывеской общества.

Особняком стоит дело Марфинских советских работников. Отдаленность места действия от Астрахани не уменьшает его значения, тем более что невидимые нити этого дела тянутся от забитой казакской деревни к гнилому астраханскому клубку и доводят до нацменовской секции астраханского окружного комитета. Марфинское дело—это миниатюрная Вели-Ибраимовщина в районном масштабе.

Кулак Буханов—председатель РИК'а и завАППО райкома ВКП(б) Мусаргалиев,—оба настоящие бандиты,—превратили советский аппарат района в кулацкую ставку. В Марфине кулак был хозяином положения. Бедняк и батрак были бесправными париями. Над ними можно было безнаказанно измываться, избивать, убивать, похищать жен, грабить имущество. Жаловаться было некому, управы на бандитов в разложившемся советском аппарате Астрахани найти не было возможности. Над классовым характером Марфинского дела была надета довольно неуклюже маска родовых отношений, снять которую мог без труда всякий зрячий человек. И только для политически близоруких руководителей Астрахани снять маску родовизма оказалось не под силу.

По Марфинскому делу привлекается 15 человек.

2. Разложение в парторганизации.

Перерождению советского аппарата, превратившегося в агентуру частного капитала, сопутствует разложение части партийной организации, в особенности в ее руководящем активе и в срединном звене. Большая часть работников, работавших на ответственной работе в советских, кооперативных и хозяйственных организациях, и даже часть партработников, в той или иной мере разложились. Часть их, в роде заведующего торготделом Панкова, заместителя Протодяконова,—превратились в настоящих вредителей. Протодяконовы, имея партийный билет в кармане со стажем

с 17 года, сами превращались в нэпманов, заводили коммерческие баркасы стоимостью в десятки тысяч рублей. Другие, в роде председателя суда Глазкова, его заместителя Калинкина, члена правления ЦРК Валикова и им подобные,—прожигали жизнь в обществе нэпманов, проституток и чуждого элемента, за рюмку водки продавали партию и советскую власть и, скатываясь в своем падении со ступеньки на ступеньку, превращались в уголовных преступников. Третьи просто пили без просыпу, „отдыхали душой“ в притонах Алексеевых и Мерзининых, топтали в грязь свой партбилет, смотрели сквозь пальцы на растущего частника, дружелюбно похлопывали по плечу вредителей и уголовных преступников, умалчивая об их преступлениях и содействуя их передвижению на все более ответственную работу.

Дело Алексеевой наиболее омерзительная страница Астраханского разложения. В течение шести лет на квартире Алексеевой систематически устраивались пьяные оргии, в которых участвовало около 45 членов партии, в большинстве ответственных работников. Не только видные хозяйственники, в роде уполномоченного Центросоюза Исачкина, заведующего Комбанком Иорина, председателя правления сельсоюза Эндюльси, завед. Астпромкомбинатом Остер-Волкова, ныне работающего заместителем директора Электролеса в Сталинграде и т. д., но и партийные работники в роде быв. члена партколлегии КК Никитина были организаторами и участниками гнусных оргий в Алексеевском притоне. Оргии принимали исключительно безобразный характер, участники их порой совершенно утрачивали всякие общественные нормы и человеческий облик. Нередко в Алексеевском притоне члены партии встречались с нэпманами.

Во время попок всякого рода торговцы, не терявшие твердой памяти, обделывали свои „дела“, подкупая, кого следует, приношениями и угощениями.

Многие не скрывали своих „подвигов“, круговая порука была достаточно солидной, была полная уве-

рённость в том, что „товарищи“ не выдадут, тем более, что среди участников алексеевских „празднеств“ был один из членов партколлегии КК, 2 следователя и несколько второстепенных партийных работников. Несколько раз об Алексеевой возникали дела в контрольной комиссии, из них одно в 1928 году. Однако, несмотря на достаточную очевидность ее виновности, благодаря заинтересованности „соратников“, дело просто смазали.

В другом доме „развлечений“, на квартире у „члена партии“ Мерзониной отдыхала от „непосильных“ трудов еще более „ответственная“ публика: заворграспредом окружкома Мей, секретарь крупного городского райкома Шадрин и другие. За развратной пьянкой и здесь устанавливалась круговая порука. Именно благодаря ей совершенно дискредитированный Шадрин, после вынужденного снятия его с работы в районе, передвигается на большую хозяйственную работу, остается членом бюро Окружкома и выполняет ответственные партийные задания.

Пьяные традиции—один из наиболее уязвимых мест Астраханской партийной организации. Партийное руководство, смененное накануне XV партийного съезда, возглавляемое секретарем губкома Старанниковым, не только не вело борьбы, но поощряло их личным примером.

Традиции пьяных банкетов, пикников, веселых вечеринок, жокейских выездов и игры на тотализаторе при Старанникове получили широкое распространение, при чем сам секретарь губкома участвовал в этих „развлечениях“. Произведенное крайКК расследование, рядом показаний членов партии и беспартийных все это подтверждает.

„За положение и в Астраханской парторганизации отвечает руководство Старанникова, который беспрочно пьянствовал, развратничал, использовал доверие партии, зажимал, не допуская критики, имел своих приспешников, принуждал устраивать банкеты за счет

госучреждений" (из показаний членов ВКП(б) Мельникова, Ачканова, Дворникова, Ширяева, Кузнецова, Шведова и друг.).

„Впереди на беговой лошади на скачках Старанников, а актив организации и рядовая партмасса жарится на тотализаторе, не видя в этом ничего неэтического, ничего преступного. Нэпманы ставят на Старанникова и ведут разговоры, что это верный выигрыш, т. к. секретаря ГК никто не посмеет об'ехать" (член ВКП(б) Кузнецова).

После Старанникова его славные традиции продолжали Мей, Шадрины и другие. Пьяные руководители не могли бороться с пьянством и разложением. Остальные руководящие партработники, как секретарь окружкома т. Носок-Туский и председатель КК т. Негодов, оставаясь лично безупречными, руководили организацией в белых перчатках и ко многим безобразиям относились с непонятной терпимостью.

Гниль не была выкорчевана и продолжала охватывать и отравлять новые клеточки.

Не менее ярко характеризуется состояние организации разложением ряда руководящих работников и ячеек Марфинской, Зеленгинской, Икрянинской и других районных парторганизаций, верхушки самого крупного в Астрахани завода „Х-ая годовщина" антисемитскими хулиганскими выходками на гортрамвае и ст. Астрахань II, непрекратившимися и после судебного процесса, значительным количеством пьянок на производстве и в деревне, где пьянство сплошь и рядом сопровождается сращиванием с кулаком.

Об этом же говорит огромная задолженность членов партии, в большинстве ответственных работников (по далеко не полным данным с 24 по 28 г. за 139 членами партии числится 39.000 р. задолженности, среди которых некоторые имеют долги свыше 1000 р.) и рост из года в год числа растрат, производимых членами партии.

Но самое серьезное и тяжелое, что характеризует болезнь Астраханской парторганизации, заключается в том заговоре молчания, который царил в Астрахани.

Даже лично не участвовавшие во всех этих безобразиях партийцы и беспартийные как-то ко всему притерпелись. Спокойно смотрели на пьянки, на кутежи, хладнокровно реагировали на огромную задолженность членов партии.

Трудно было не заметить публичных скандальных полоек судебных работников, совместных с нэпманами кутежей работников финотдела, жизнь не по средствам и пр. Очень многие все это отчетливо видели, но упорно молчали. Всякого рода чиновники советских аппаратов с партбилетом, не замешанные в грязных делах, смотрели на связь своих товарищей с частника-ми сквозь пальцы.

Во вскрытии всех гнойников члены партии и общественность почти никакого участия не принимали. Никто по своей инициативе не помог работе следователей, наоборот, было не менее 7—8 случаев, когда члены партии грубо вызываяще требовали от следователей освобождения арестованных вредителей, нашлись даже из среды членов партии поручители за арестованного частника.

Если бы не произошла, вследствие районирования, смена руководителей розыскных и карательных органов, если бы не образование Н.-Волжского края, процесс вскрытия астраханских гнойников затянулся бы несомненно.

3. Классово-политический смысл фактов и их причины.

Все вышеописанные факты достаточно ясно говорят о том, что Астраханский гнойник идет гораздо дальше обычных бытовых пьянок. Подобных нарывов еще история нашей партии не знала. В Астрахани мы

несомненно имели прорыв классового фронта частным капиталом, которому удалось при политической близорукости партийных и советских руководителей, часть которых сама разложилась, купить необходимые ему звенья советского аппарата и внести семена разложения в партийную среду.

В Астрахани на XI и XII годах пролетарской диктатуры классовый враг хозяйничал в советском аппарате. И в экономике и на политическом горизонте частник и кулак непрерывно укрепляли свои позиции. Частник диктовал, ставил условия и ультиматумы, политические банкроты отступали и сдавали позиции. „Лишнее“ приходил в советский аппарат, как хозяин. Крупнейший рыбопромышленник Солдатов, ворочавший сотнями тысяч и миллионами, явившись в финотдел в праздничный день и потребовав справки у какой то сотрудницы, к своему великому удивлению получил дерзкий отказ. „Позвольте—заявил он—я Солдатов“. Сотрудница упорствовала, но „хозяин“ быстро справился с упрямцей. Заведующий финотделом Луконин приказал и требование „хозяина“ было немедленно удовлетворено. Разве этот один из многих фактов не показателен? Разве не характеризует он всю серьезность Астраханского дела?

Прорыв классового фронта на узком, небольшом участке—таков основной смысл Астраханского дела. Прорыв ликвидирован, виновники его на скамье подсудимых и вне партий.

Но предупреждающий урок остался и должен быть изучен всей партией.

С исчерпывающей полнотой эти причины будут выяснены после тщательнейшего дополнительного изучения. Такую задачу поставил Центральный Комитет нашей партии в своем постановлении, мы же, не претендуя на полноту и достаточно точный охват попытаемся хотя бы схематически изложить эти причины, на основе уже имеющегося и изученного, на основе обследования материала.

Основной и главной причиной так сильно разросшегося Астраханского нарыва является безобразное извращение генеральной линии партии. Вместо того, чтобы, согласно решениям XV партийного съезда, усилить наступление против частно-капиталистических элементов города и деревни, Астраханские руководители, грубо извращая партийные решения, всемерно благоприятствовали росту частного капитала, сдавая ему все позиции, одну за другой. В практике хозяйственной деятельности царил неприкрытый правый уклон, замазываемый неискусной рукой аллилуйными резолюциями, клянущимися в верности генеральной линии партии. Частник раздвигал образовавшуюся щель, эту щель не только не заделали, но помогли частнику ее расширить.

История скатывания целой организации на скользкую дорожку правого уклона весьма поучительна и мы на ней подробно остановимся в следующей главе.

Второй весьма серьезной причиной является недооценка партийным руководством объективных трудностей, вытекающих из социально-экономических особенностей Астраханского округа. В Астрахани был все время экономически силен частный капитал. Силы, которые должны были противостоять ему, при малочисленности вышколенного индустриального пролетариата и преобладании в нем недостаточно классово воспитанных и стойких сезонников, должны были быть всемерно сплочены. Эта задача требовала прежде всего самого серьезного внимания к укреплению партийных рядов за счет лучших и крепких пролетариев и выжигания каленым железом всех тех болезней, которые были неизбежным спутником специфичности астраханской обстановки. Однако, вместо укрепления партийной организации, получалось ее разжижение. Ставка на качество была подменена ставкой на количество. Вначале без всякого учета принимали служилый элемент, а впоследствии вместо передовых рабочих и работниц, которых даже и в Астрахани было все же не мало

(7000 рабочих на судоремонтных заводах) стали принимать всех, кого попало, без должной проверки и учета. Практиковался кое-где даже метод механического вступления в партию. В результате около 50% принятых в 28 году рабочих, по подсчетам окружкома, неквалифицированные, в состав остальных 50% полуквалифицированных и квалифицированных рабочих—входят грузчики (считаются полуквалифицированными), подручные слесаря, токаря, работающие по низким разрядам и т. п. По 6 гор. производственным ячеекам около 40% принятых имеют производственный стаж ниже года и до 5 лет. Последний ленинский набор дал свыше 1000 чел., из них подавляющее большинство по районам, не имеющим больших квалифицированных кадров (Селенский, Владимирский). Селенский район, где расположены болдинские промыслы и различные мелкие предприятия принял в ленинский набор 49% неквалифицированных рабочих. Трусковский же район, где расположены крупнейшие судоремонтные заводы (им. Ленина, X-й годовщина и др.), с основным костяком старых квалифицированных рабочих, дал 91 чел. При таком невнимательном отношении в партию просачивались случайные люди, недавно пришедшие на завод, даже бывшие мелкие торгаши и проч. (Селенский, Икрянинский районы), которые засорили парторганизацию и конечно не способствовали увеличению ее боеспособности.

С болезненными явлениями борьба не велась не только потому, что некоторые руководящие работники сами разложились. У всего партийного руководства создался подобного рода фаталистический взгляд: „У нас де мол портовой город, пьянка посему вещь законная и ее не выкуришь, как с ней ни борись“. „Объективный“ фатализм выбивал оружие борьбы из рук окружкома и ОКК, общественное мнение парторганизации не было мобилизовано на борьбу с пьянством, разложением и бытовым загниванием. Контрольная комиссия почивала на лаврах и утешала себя бла-

гополучными статистическими показателями о числе партвызысканий, которые оказались ниже всесоюзных. Из этого делался вывод, что астраханская организация здоровее здоровой. Разлагающие элементы, засидевшиеся, омещанившиеся, связанные корыстными нитями с чуждым элементом сидели годами, передвигаясь иногда с тяжелым грузом партвызысканий с одной на другую ответственную работу. По последним подсчетам оказалось, что 84% ответственных работников коренные астраханцы, сидящие безвыездно в Астрахани по десятку лет. 25% из них нагружены выговорами и прочими партвызысканиями.

В отношении укрепления боеспособности пролетариата не только ничего не делалось положительно, но наоборот насквозь близорукая политика партийных и профессиональных организаций помогла частнику разлагать единство рабочего класса и вносить дезорганизацию в его ряды.

Между рабочими русскими и рабочими нацменьшинств как в смысле зарплаты, так и в правовых нормах—существовал недопустимый разрыв. Рабочие нацмены превращались во второсортных рабочих. В зарплате всех рабочих рыбных промыслов существовала пестрота и неразбериха.

Ставка 1-го разряда Госрыбтреста 13 р. 50 к., Центросоюза 15 р., Производсоюза ловцов—14 р. 50 к., а на промыслах частника 25—30 р. Расценки на сдельные работы на частных промыслах выше, чем на государственных—средний заработок рабочего на частных промыслах на 200—250 проц. выше средних зарплат рабочих госкооперативных предприятий. Частник практиковал по отношению к своим рабочим систему подачек, угощений, чаевых, при наборе рабочих обходил обычно Биржу Труда и в то же время энергично проводил нещадную потогонную систему. Подачки и высокая зарплата развращали рабочих, притупляли их классовое чутье. Нередки случаи, когда рабочие, даже рабочие-коммунисты, отказывались идти на работу гос-

кооперативных промыслов, ожидая посылки их к частнику. Нередки случаи, когда рабочие активно выступали на защиту частника, укрывая нарушения последним законов и пр. Развращающее влияние частника сказалось и на рабочих госуд. и кооперативных предприятий. Болда—место расположения большинства частных и ряда госуд. кооперативных промыслов, превратилась в арену своеобразной борьбы между рабочими, работающими на частных и госкооперативных промыслах.

Все ненормальности этого положения парт. и в особенности профсоюзные организации не осознавали. Партийная и профессиональная работа на частных предприятиях была поставлена из рук вон плохо. Огромный разрыв в зарплате рабочих госуд., кооперат. предприятий и частных, узаконенный в 26 г. по инициативе ГСПС и ЦК союза пищевиков—ответственные работники профсоюзов усвоили, как „последнее слово“ наступательной тактики против частно-капиталистических элементов.

Мелкие же профчиновники на частных промыслах превращались в прямых агентов частника. В красном районе, где было немало частных промыслов—профработники устраивали свадьбы и гулянки за счет своих хозяев, зато в трудную минуту предоставляли частнику профсоюзную кассу и сквозь пальцы смотрели на безобразную эксплуатацию рабочих. Все это ослабляло боеспособность рабочих, ослабляло их бдительность, не создавало духа протеста против вредительской деятельности частников и купленных ими приверженцев.

Зажим самокритики был третьей немало важной причиной разрастания Астраханского нарыва. При руководстве Старанникова каждый протестующий голос был заглушен. При руководстве Окружкома последнего состава и все улучшение положения заключалось в том, что о самокритике безотносительно к месту, содержанию и характеру было вынесено 16 резолюций.

Но это была самокритика на холостом ходу — модная фраза, лишенная конкретного содержания. Самокритика не была направлена против явлений перерождения, бытового загнивания, искривлений классовой линии. Критиковать все это было запрещено. Всем указывавшим на пьяные традиции, на неправильную классовую линию, руководители в роде Турских, Васильевых, Фельдманов, Меев и Мартыновых давали беспощадный отпор. Политические слепцы даже после предупреждающего процесса судебных работников, не сочли нужным развернуть самокритику масс. Процесс прошел, как проходит обычный уголовный процесс. Политические выводы не были сделаны. Два раза бюро ОК слушало доклад о деле и выносило никчемные резолюции, в роде „выделить общественного обвинителя, распределить широко билеты и проч.“.

Недаром во всех вскрытых вредительских делах роль самокритики весьма незначительна. Дело финотдела началось с заявления арестованного по другому делу нэпмана Ситникова, дело торговца и ЦРК, по следствию ГПУ, дело Алексеевой с заявления домашней работницы Алексеевой.

В печати, в особенности в газете „Коммунист“, самокритика до последнего времени отличалась неконкретностью, мелочами и разоблачением стрелочников. Уровень освещения в печати дела судебных работников носил характер бульварных сенсаций.

Недаром в настоящее время при проработке уроков Астраханского дела лучшая часть рабочих, партийцев и беспартийных, единодушно жалуются на зажим самокритики. Рабочие в один голос говорят либо о гонениях за самокритику, либо о ее полной бесполезности: „мели, Емеля, твоя неделя, по твоему все равно не будет“. (Усадов).

„Мы пытались реагировать, но наш голос оставался гласом вопиющего в пустыне“. (Дьяков).

„Мы во всю глотку кричали, а там шито крыто“. (Немеслов).

„Когда Кудрявцев (снят за пьянку и разложение) был секретарем Трусовского района я ходил в райком и предупреждал о финотдельских безобразиях. На это я от Кудрявцева получил ответ: „не надо так жестоко меч подымать“. (Егоров). „Наша критика дальше забора не пошла“ (Завод Х-летия Октября).

Все это заявления рабочих производственников. Несомненно, что, если худшая часть партийной организации молчала, вследствие круговой поруки, семейственности, мещанского равнодушия к судьбам партии, то другая, лучшая часть была зажата, не смела ни слова пикнуть. Ведь даже после обследования организации, после решений бюро крайкома ячейкам не давали даже упоминать о неверной классовой линии партийного руководства. Секретарь окружкома Турский, делая доклад об итогах XVI партконференции, ни одним словом не упомянул о правом уклоне в Астрахани. „Поговорим еще в ЦК насчет неверной классовой линии“—угрожали обанкротившиеся руководители. По инициативе Турского осмелившихся критиковать руководство инструкторов крайкома ВЛКСМ передали, как злостных нарушителей дисциплины, в КК.

Но не только самокритика была выхолощена в Астрахани. Все руководство вертелось на холостом ходу. Руководство отгородило себя от живой действительности ворохом „директив“ и резолюций. Между бумагой и практикой была огромная диспропорция. Куча резолюций о выдвижении и за год 5 выдвиженцев. Громы и молнии против правого уклона и правая оппортунистическая практика. Бесконечные разговоры о самокритике и зажим самокритики на практике. О чем все это говорит? О декларативном, неконкретном, бумажном руководстве. Окружком занимался всем и ничем, основных звеньевых хозяйственных и политических вопросов он выпятить не умел. Принципиальную сторону руководства хозяйственной жизнью округа окружком целиком передоверил фракции окрисполкома.

Фракция сдавала позиции „здоровому“ частнику, фракция проповедывала идеи о том, что чистого батрака в астраханской деревне нет, что батрак—левый фланг бедноты, фракция слушала доклады других фракций, а окружком все это штемпелевал. Такое оторванное от жизни хвостистское руководство, конечно, тоже явилось немаловажной причиной Астраханщины.

Пятой причиной являлось полное пренебрежение к вопросу кадров.

Астраханский окружком ровно ничего не сделал для того, чтобы улучшить работу советского аппарата. Системы в подборе кадров не было, на ответственные посты назначались явно непригодные люди. Вождь торговельских взяточников Протодияконов был посажен председателем рыбопродуктовой конвенции на стык с частным капиталом после 6 партийных выговоров. Герой церабкопского процесса Валиков передвигался с кучей партийных взысканий с одной на другую ответственную хозяйственную работу. Секретарь Горсовета Красный оказался вчерашним торговцем, председателем союза строителей Колобаев бывшим кабатчиком, а сын этого кабатчика, сидел заворгом крупнейшего рабочего райкома. Разложившиеся пьянчуги Кудрявцев, Пресняков, Шадрин и другие получали одну ответственную работу за другой. Всех этих ответственных героев, о делах которых всем было известно, но которые продолжали оставаться на высоких постах не перечесать. В то же самое время выдвижения рабочих в госаппарат не было.

Что собой представляет советский аппарат астраханские руководители не знали и знать не хотели. По директиве края провели они весьма плохо без участия масс чистку ряда учреждений. Даже эта плохенькая чистка астраханских авгиевых конюшен, после которой уцелели все вредители, (только после нее они были в большинстве разоблачены и арестованы), показала, что Астраханский советский аппарат наихудший в крае. В то время, как по краю

процент вычищенных в среднем равняется 16,7 всех проверенных работников, соответствующий % по Астраханскому округу—21,2. Из 1883 проверенных работников подлежит снятию 371, в числе их 46 торговцев, 22 бывш. чинов полиции и белогвардейцев, 65 человек антисоветского элемента, 60 злостных бюрократов, 133 пьяниц растратчиков и вообще непригодных ни к какой работе, 41 имеющих связь с торговцами и проч.

Значительная часть арестованных за последнее время взяточников и растратчиков в этот перечень не успели войти.

Социальный состав работающих тоже совершенно неудовлетворительный. Из 1883 проверенных работников, рабочих оказалось всего 174 чел. или 9,5%, а служащих—79,5%. В аппарате горкоммунотдела из 197 сотрудников—ни одного рабочего. В ЦРК из 356 сотрудников—18 рабочих и столько же примерно вчерашних торговцев и кулаков, в окрЗУ 305 сотрудников и 7 рабочих и т. д.

Даже после чистки, даже после вскрытия уголовных и вредительских дел астраханские горе-руководители не могли и не хотели понять, что советский аппарат округа не наш, что он работал против советской власти, против рабочего класса, в интересах частного капитала.

II.

В РАЗРЕЗ С ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИЕЙ ПАРТИИ.

1. Частный капитал в рыбной промышленности.

Основной хозяйственной базой округа являлась рыбная промышленность. Около 60% населения округа существуют за счет добычи и обработки рыбы и подсобных производств. Свыше 50% работоспособного населения заняты рыболовством и рыбообработкой. Свыше 65% (75 мил. руб.) товарной массы округа составляет рыбопродукция.

Последние два года (27—28 г.), вследствие слабого хода рыбы и недовосстановленности добывающего промысла (главным образом морского лова), были годами суженного улова.

Динамика улова по сравнению с довоенным дает нижеследующие показатели в тысячах тонн:

Максимальный довоенный улов 1914 г.	Средний довоенный.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
445,6	347,3	441,3	299,1	290,1

В условиях суженного улова очень сильно чувствовалось несоответствие между суженным размером рыбо-сырьевого рынка и значительными возможностями обрабатывающей промышленности. Эта диспропорция создавала обостренную борьбу за рыбу-сырец между госкооперативными, перерабатывающими организациями, недогружавшими в значительной мере своих промыслов и частником.

Несмотря на суженный улов и конкурентную борьбу, роль частного капитала в рыбопромышленности, принимающего участие только в скупке и переработке рыбы-сырца, но отнюдь не в ловле, снижая весьма слабо абсолютно (в виду сжатия всей промышленности в не-уловные годы) в общем целиком сохраняет свой удельный вес вплоть до 1929 года.

Частник появляется на арене хозяйственной деятельности с 23 года. Кривая его развития такова: в 23 году—3,8%; в 24—17,7%; в 25—25%; в 26—24%; в 27—16,2%; в 28—16,5%.

Эти официальные данные однако по отношению к 27 и, в особенности, к 28 году, когда аппарат торговдела был куплен частником и всемерно скрывал его действительные заготовки, в виду впервые введенных „жестких“ норм улова для частника, совершенно не соответствуют действительности.

Экспертиза по делу торговдела выяснила, что в течение одной осенней путины 28 г. частный капитал заготовил 15 тыс. тонн сверх полученной им нормы, и удельный вес его в путине составил 24 проц.

На продолжении последних лет частник систематически перевыполнял даваемые ему нормы.

В 27 году удельный вес частника был намечен в 16,3 проц. всех рыбозаготовок—сделал же он 22,3 проц.; на 28 г. частному сектору было дано 13 проц., сделал же он около 25 проц. В осеннюю путину частнику было дано 200 т. центнеров—заготовил же он 348,1 т. цен. В то время, когда госрыбтрест и центросоюз в осен-

нюю путину 28 г. не довыполнили своей программы, частник перевыполнил свою программу на 74 процента.

Перевыполнение программы частником имело при суженности сырьевого рынка свою оборотную сторону: недовыполнение программы госкооперативным сектором, недоиспользование основного капитала, повышение себестоимости продукции и значительные убытки.

По Красноярскому району, где расположен ряд частных промыслов, частник заготовил в 28 г. 50% всего улова сельди в районе. По официальным данным, вся заготовленная частником рыбопродукция составляла 37%, фактически он заготовил 65% всей рыбопродукции, заготовленной в районе. Частник совершенно безнаказанно забирал сельдь из государственных вод и даже из государственных неводов.

Положение частника в рыбной промышленности характеризуется также тем обстоятельством, что арендованный им промысловый фонд за последние 3 года оставался почти стабильным. К началу 26 года в эксплуатации частного капитала находилось 18 проц. всей промысловой емкости, к концу 28 года этот процент снизился только до 15,2%. Орган Наркомзема ВКУР (Волго-Касп. Управление рыболовством) сдавало в аренду частнику промысла иногда свыше чем на 10 лет и притом бывали случаи, что безвозмездно. Фирме Кантер и К^о сдан в аренду промысел, бывший ранее собственностью фирмы. Срок 12 лет—первые восемь лет безвозмездно. Фирме бр. Солдатовых сдан промысел, тоже ранее составлявший ее собственность, тоже на срок свыше 10 лет, первые десять лет без арендной платы и т. д.

Даже в 28 году заключались продолжительные договоры на аренду промыслов с частными фирмами.

Несмотря на неуровные годы, условия работы частного капитала в рыбной промышленности были значительно более благоприятными, чем условия работы госкооперативного сектора.

Прежде всего загрузка промыслов у частных была значительно выше, чем у госкооперативных заготовителей. В 26 году госкоопзаготовители загрузили свои промыслы на 189 проц. *), частники на 289 проц., в 27 госкоопзаготовители на 176 проц., частники на 176 проц., в осеннюю путину 28 г. госкоопзаготовители на 60 проц., частники на 104 проц.

Частники в значительной степени финансировались государственными органами, средства которых составляли свыше 60% всех заемных средств частных. Торгующие организации (госрыбсиндикат, центросоюз, вукоспилка) заключали с частными фирмами договоры на покупку рыботоров и предоставляли им свои средства в значительной своей части во время процесса производства, задолго до сдачи готовой продукции. Некоторые частные фирмы, как, например, крупнейшее частное акционерное общество „Перворосрыба“ находилась в 28 г. накануне краха, тем не менее „Перворосрыба“ финансировалась и на средства госкооперативного сектора, вышла из затруднительного положения. На 100 тыс. заемного „Перворосрыба“ ухитрилась сделать оборот в 900 тыс. р. Фирма бр. Солдатовых на 79,500 р. собственных средств получила заемных 460 тыс. руб.

Несмотря на это, частные фирмы сдали в 28 г. госкооперативным торгующим организациям только 20 проц.² выпущенной ими продукции.

Наконец, частный капитал, легко обходя заготовительные и сбытовые цены на рыбу, находилась в этом отношении в гораздо более выгодных условиях, в сравнении с госкооперативными организациями, цены которых регламентированы, и получал на разрыве частных и государственных цен на рыбу (при заготовке и сбыте) огромные прибыли. По ориентиро-

*) Условное исчисление загрузки промыслов в рыбной промышленности.

вочным подсчетам за 28 год частник „заработал“ на разрыве цен между государственным и частным рынком за счет потребителя около 2,5 мил. рублей.

2. Как шло „наступление“ на частно-капиталистические элементы.

Директива XV партийного с'езда об усилении наступления на частно-капиталистические элементы кой в каких декларативных выступлениях и резолюциях нашла свое отражение. На частника решили наступать не за страх, а за совесть. Однако, дальше бумажных решений и громких деклараций дело не пошло.

Весной 28 года астраханские партийные и советские органы пытались усилить регулирование частного капитала путем введения твердых норм, превышение которых должно было караться. Однако, благодаря бесконтрольной работе разложившихся регулирующих органов, эта мера никаких реальных результатов не дала.

Точно так же никакого результата не удалось получить от уменьшения числа рыбоприемных судов у частников. Правда, число паромоторных судов, благодаря ограниченному числу скупных билетов, уменьшилось у частников с 527 в весеннюю путину 27 г. до 230 в осеннюю путину. Но частник компенсировал этот недостаток за счет рыбоприемного флота госкооперативных заготовителей, которые, нанимая судна ставили владельцев (скупщиков) „кормщиками-приемщиками“. Последние, превращаясь в госслужащих, ускользали от налогов, нанимали по своему усмотрению рабочих—своих людей—не членов союза и бесконтрольно изменяли конвенционные цены, доставляя рыбу не только госпредприятиям, но и частникам.

Этими двумя моментами исчерпываются все ограничительные мероприятия в отношении частника. А на практике все первоначальные плановые наметки и

директивы ВСНХ, НКТ и ЭКОСО РСФСР ломались в сторону увеличения норм частнику: по наметке ЭКОСО РСФСР на весеннюю путину 28 года частный капитал должен был заготовить 8,7 проц., получил же норму 12,4 проц, на осеннюю путину 28 г.— по указаниям НКТ—12 проц, а местные органы повысили норму до 15 проц., потом подбавили в ходе путины еще 25 т. цент.; фактически частник заготовил 24 проц. улова, на осеннюю путину 29 г. Пленум ОК и ОИК приняли долю частника в 10%, хотя госплан и наркомторг намечали только 5% Фактически частник в весеннюю путину 29 г. почти не работал (исключая 2-х акционировавшихся фирм). Удельный вес его будет ниже 1%. Хотя вытеснение частного капитала произошло главным образом вследствие арестов частных механически, без соответствующей подготовки госкооперативного сектора, тем не менее госкооперативные предприятия, несмотря на все свои недостатки и организационные неувязки, справились с обработкой всего улова без „помощи“ частника.

Если разложение советского аппарата делало совершенно бесконтрольной работу частника, то политическая близорукость партийного руководства, не сумевшего взять твердую линию в отношении ограничения частного капитала, окончательно развязывала последнему руки и предоставляла широкое поле деятельности. Спасовав перед объективными трудностями, вытекающими из своеобразия социально - экономического уклада округа, и не сумев разрешить основных задач, стоявших перед ним, окружной комитет партии переставил доверил принципиальную сторону руководства хозяйственно-политической жизнью дедаческим элементам фракции окрисполкома. Фракция исполкома руководила бесконтрольно рыбной промышленностью.

Погоня за ростом бюджетных поступлений была основным началом в руководстве рыбной промышленностью. Фискальные соображения отодвигали на задний план затруднения госкооперативного

сектора рыбопромышленности, испытываемые им вследствие суженных уловов, недовосстановленности добывающего промысла и ожесточенной конкуренции между госпромышленностью, ловецкой кооперацией и частником.

Необходимость улучшения условий работы социального сектора рыбопромышленности, в особенности в неуровные годы, властно требовала применения ряда решительных мероприятий, сокращающих удельный вес частного капитала и подчиняющих частного предпринимателя регулирующему воздействию государства. Фискальные интересы, наоборот, толкали на торную дорожку развязывания appetites частников, на непрерывное увеличение предоставляемых им норм заготовок. Окрисполкомовские дельцы, как мы видели выше, предпочли пойти по второму пути и скатились в своей работе на приспособление к интересам частного капитала.

3. Весна частного капитала и осень политических банкротов.

На пути приспособления к интересам частного капитала, на торной дорожке сползания с классовых рельс, особенный интерес имеет осень 28 года. Это наиболее позорная страничка в истории Астраханской организации.

Осенью 1928 года окрисполком сломал наметку Наркомторга и вместо 12 проц., предлагаемых Наркомторгом, предоставил частнику за счет госкооперативного сектора 15 проц. Но этим дело не ограничилось. Обнаглевший частник через свою торговельскую и финансовую агентуру ультимативно потребовал дополнительного увеличения норм, угрожая неуплатой налогов и сдачей патентов. Фракция окрисполкома, ничто-же сумняшеся, целиком сдала позиции частнику, сначала предполагалось прибавить частнику еще 56 т.

центнеров, а потом после негласных переговоров председателя окрисполкома т. Васильева с секретарем окружкома т. Турским остановились на цифре в 25 т. центнеров.

Необходимость этого увеличения формулируется в постановлении президиума окрисполкома нижеследующим образом:

„Установленная для частного рыбопромышленного сектора заготовки и обработки рыбосыльца на 2-ое полугодие 1928 года являлась минимальной нормой (?) и составляла всего лишь 27% к имеющейся у него арендованной промысловой емкости“.

„Такое сокращение нормы при условии недоловов 2-х последних путин, естественно, вызвало закрытие ряда рыбопромышленных фирм, а работавшие с начала 2-го полугодия 1 октября с/г. поставлены также перед вопросом свертывания своих операций (?)“.

„Учитывая приведенные обстоятельства, а также принимая во внимание интересы государственного фиска и что отказ частнику от аренды промысловых угодий вызовет не только значительную потерю государственной доходности от эксплуатации промысловых угодий, но еще и значительный расход по охране их и что в первом полугодии с/г. частные рыбопромышленные фирмы сдали до 75% своей продукции госкооперативному сектору, окрисполком постановляет“...

Какая удивительно трогательная забота об интересах частника. Воистину приходится умиляться.

Для того, чтобы „убедительнее“ звучала необходимость дополнительного увеличения норм частнику, президиум окрисполкома идет на явную подтасовку цифр. Так, например, сознательно подтасована цифра о загрузке промыслов частного сектора на 27%. По

данным окрплана частник загружал свои промыслы на 59,8% а по данным бюро регулирования при Астрахан. окрСНХ, по 61 фирме 52,5%, по 33 фирмам—61,8% и только по 28 фирмам 27,3%.

Действительная же загрузка промыслов частника в весеннюю путину, как это выяснила экспертиза по делу Торготдельских работников, составляла 104%, в то время, когда промысла госкооперативного сектора были загружены только на 60%. Окрисполком, ретиво заботившийся о частнике, и не подумал о госкооперативном секторе.

Такой же сказкой является сдача частником 75% своей продукции госкооперативному сектору. За 28 г. частные фирмы, как мы видели выше, сдали госкооперативным торгующим организациям 20% фактически обработанной ими продукции, хотя получили от них 60%, всех заемных средств.

На вышецитированное постановление президиума окрисполкома последовал весьма решительный протест ВСНХ.

Фракция окрисполкома, несмотря на то, что ВСНХ ее вполне резонно обвинил в „прямой поддержке частника“, 30/X на своем заседании постановляет:

„Решение окрисполкома об изменении норм частникам в сторону перераспределения и частичного повышения в порядке регулирования вызывалось массовым уходом с рынка (24 фирмы) до 1 октября 1928 года и отказом большинства из оставшихся на рынке после 1 октября от выборки патентов, вследствие крайней ограниченности производственных возможностей плана вылова частника, не оправдывающего его налоговых расходов в I-й квартал 1928 года (?!). Это обстоятельство ставило под угрозу выполнение доходной части бюджета на 1928-29 год и послужило основой к пересмотру вопроса, получившего положительное разрешение в постановлении окрисполкома“.

Только после второго решительного протеста Наркомторга 12 ноября, фактически когда путина кончилась, окрисполком глухо отменил свое прежнее решение. Частник же успел сделать не 200 и не 225 т. центр., а 348,2 т. центнеров.

Где же был во время всей этой деляческой суетни окружком? Санкционировал ли он все это? Законный вопрос!

Линия окружного комитета партии в связи с вопросом о повышении норм заготовок частникам особенно ярко иллюстрирует беспринципный и хвостистский характер „руководства“ окружкома.

Работавшая на правах постоянного органа, комиссия по частному капиталу, по форме советская, по существу партийная, состоящая из ряда ответственных руководителей округа 20 октября в присутствии пред. окрисполкома т. Васильева, зав. ОРГО т. Мея пред. ОКК—т. Негодова, зав. окрФО—т. Скоморовского и зам. зав. окрторга Протодяконова, выносит решение, выписку из которого нельзя не привести.

„Констатируя, что деятельность отдела торговли по регулированию частного капитала в рыбной промышленности достигла такого предела, когда значительное количество частных фирм намерено прекратить дальнейшую работу“ (речь идет об отделе торговли, целиком купленном частным капиталом Л. Л.).

...„Дальнейшее жестокое регулирование частнопредпринимательской деятельности в рыбной промышленности может привести к отрицательным результатам финансового порядка, как то: падение доходной части бюджета и т. д.“.

Это и была единственная внятная директива, на основе которой разворачивал свою „блестящую“ деятельность окрисполком. Окружком этой директивы не отменил, укрывшись за ней, бюро окружкома само выносило для проформы какие-то невнятные реше-

ния, написанные эзоповским языком. Интересно, что после категорической телеграммы Наркомторга бюро окружкома для очистки совести через 4 дня после решения окрисполкома наложило партийный штраф на решение окрисполкома об отмене предоставленных частнику дополнительных 25 тысяч центнеров рыбопродукции.

Линия беспринципного делячества продолжается и накануне весенней путины 29 года. Тот же геростратовски знаменитый председатель окрисполкома Васильев, выступая с докладом на пленуме окрисполкома, поучает партийную организацию:

„Спускаться на тормозах помаленьку, заполняя фискальную брешь, и только на протяжении пяти лет покончить с частным капиталом“.

Удивительно ли, что при этих условиях частник делал миллионные обороты. Удивительно ли, что частники получали сотни тысяч прибылей в то время, когда Госрыбтрест получил 1.289 тыс. руб. убытков, а ловецкая кооперация 400 тысяч рублей.

Вот весьма яркая таблица оборотов нескольких взятых на выдержку частных фирм.

Ф И Р М А.	Промысел.	Год. оборот за 28 г.
А. Заславский и К о	Рыбопром.	1.743.626
Бр. Заславские	„	1.930.000
Бр. Солдатовы	„	989.000
Кантер и Канкаев	„	696.000
Ростов, Рогов и К-о	„	720.000
Майоров и К-о	„	469.0 0

Частник рос, частник хозяйничал в Советском аппарате. В торговле частников принимали без очереди и в любое время, в финотделе агенты частных фирм, если почему либо им в чем-нибудь отказывали, угрожая заявляли: „ладно, придет хозяин“, торговцы на бирже уверенно заявляли: „разоримся, пойдем работать в ЦРК, там наш собес“. В окрисполкоме во имя прозрачных бюджетных поступлений широко раскрывали ворота их алчным аппетитам. Недаром один из арестованных нэпманов Блох заявил заместителю краевого прокурора:

„Мы диву давались той атмосфере, которая царила в советском аппарате. Обычно придешь в советский аппарат и где нибудь жмешься в углу, тут же мы чувствовали себя свободно. Золотое время было для нас 1928 г.“ (?!!).

Частник переживал золотое время, а госпромышленность и кооперация, по вине правых делег, переживали и переживают тяжелое положение, несут убытки (о чем говорилось выше) и по-серьезному не могут приступить к под'ему рыбного хозяйства, особенно морского глубинного лова.

Гос. кооп. предприятия не имели преимуществ частника, получаемых на разрыве между ценой сырка (идущего в разгар путины за гроши) и высокой рыночной ценой обработанных рыбопродуктов на частном рынке и не загружали свои промыслы.

В то же время неурегулированность взаимоотношений между госпромышленностью и ловецкой кооперацией и постоянная конкуренция с частником, увлечение промысловым строительством ослабляли внимание к восстановлению, кооперированию и коллективизации ловецкого хозяйства, являющегося основой рыбной промышленности.

Себестоимость центнера продукции у Госрыбтреста возросла против 27 г. на 11 проц., из коих только 2 проц. идет за счет увеличения сырьевых цен. В то время, когда зарплата промысловых рабочих выросла

на 9,3 проц., производительность труда упала на 3,2 проц. Неблагополучно с себестоимостью и в других отраслях промышленности. Неблагополучно и в ловецкой деревне. Добывающий промысел недовосстановлен, ловецкие колхозы находятся, несмотря на блестящие перспективы их развития, в зачаточном состоянии.

Практика контрактации дала ничтожные результаты и не стала исходным пунктом кооперирования и коллективизации. Кредиты сплошь и рядом попадают в руки зажиточных и кулаков. С кредитной дисциплиной неблагополучно.

По просроченным ссудам крайсельбанку Астрахань на „первом месте“. С беднотой и батрачеством работа почти не велась. Особенно плохо с батраками, сухопайщиками. Это наиболее забитая, наименее защищенная и весьма многочисленная часть батрачества своего рода „издольщики“ в рыбном производстве. Их судьба целиком зависит от воли кулака и стихии. Неудачный лов и весь труд сухопайщика идет на смарку. До настоящего времени проблема сухопайщиков была вне поля зрения партийного руководства.

„Весна“ частного капитала—оказалась осенью политических банкротов. Еще до разоблачения всего Астраханского гноиника астраханские рабочие при выборах в горсовет показали, насколько авторитетны Астраханские руководители в массах. По активности избирателей при выборах горсовета Астрахань по краю оказалась на последнем месте, уступая даже ряду мещанских заштатных городов.

4. Теоретическое оформление право- оппортунистической практики.

Деляческое приспособление к интересам частного капитала естественно не могло не получить своего теоретического завершения. Курс на „здорового частного“ (термин, встречающийся в ряде официальных до-

кументов) являлся логическим продолжением теорий т. Углового, высказанных им, на многочисленном собрании студентов Свердловского университета и на других авторитетных собраниях, где он настойчиво предлагает—дать возможность частнику „ловить“ рыбу сколько влезет. Т. Углов также рекомендовал не увлекаться решениями XV партс'езда о наступлении на частно-капиталистические элементы, предлагая это делать „с умом“.

Знал ли т. Углов о том, что частник не ловит сам никакой рыбы, или нет, от этого дело не меняется. Лозунг о развязывании рук частнику был дан и был подхвачен астраханскими оппортунистическими делегатами. От развязывания appetitов частника до теорий о том, что НЭП существует, для частного капитала оставался один шаг. И шаг этот был вскоре сделан. На февральском пленуме (1929) окружкома заведующий АППО ОК т. Мартынов выступил с нижеследующей „теорией“:

„Очень легко, товарищи, одним росчерком пера снять частный капитал, но нет ни одной директивы, ни последнего ноябрьского пленума ЦК, ни в решениях партс'езда о том, чтобы росчерком пера ликвидировать НЭП. Поэтому, нужно учесть политическую сторону вопроса“.

Во время обсуждения резолюции по вопросу о подготовке весенней путины на том же пленуме Мартынов настойчиво предлагал:

„К пункту о невозможности ликвидировать сейчас частника, помимо бюджетных возможностей, надо дать и политическую предпосылку“.

Председатель окрисполкома т. Васильев по поводу этого предложения заявил:

„Принципиального спора против предложения Мартынова нет, но к чему нам записывать Ленинскую теорию? (воистину новое откровение ленинизма), чтобы резолюцию расширять? Нужно ли нам вводить это дополнение, чтобы кто-то поверил, что мы истинно ве-

рим в это". На бюро ОК тот же Васильев еще более „красочно“ изложил ту же точку зрения.

„Новая экономическая политика у нас не ликвидирована... После снятия частника социализм не наступит, а потому полегче на поворотах, товарищи“.

Всей этой оппортунистической нелепости не было дано со стороны партийного руководства никакого отпора. Астраханские руководители на словах вели борьбу с потусторонним неосязаемым правым уклоном, самый же настоящий махровый правый уклон у себя под носом они всячески поощряли. И даже в самое последнее время, когда после обследования достаточно ясно выявились все узоры астраханщины, астраханские руководители, выступая на партийных собраниях, считали возможным заявлять о том, что „правый уклон у нас ищут зря“.

Партийная же организация была совершенно дезориентирована и до последнего времени не имела представления о сущности правого уклона. Было сделано все „необходимое“ для того, чтобы лишить организацию возможности решительно бороться против уклонов от генеральной линии партии.

III.

ЧЕМУ УЧИТ АСТРАХАНЩИНА.

Астраханские уроки весьма поучительны для всей партии. Ее печальные итоги прежде всего лишний раз разоблачают сущность и характер правого уклона. Астраханщина убедительно показывает, что право-оппортунистические теории тянут нас на скользкую тропинку перерождения, в плен к классовому врагу. Астраханщина настойчиво и властно требует от нас мобилизации всех сил партии на защиту генеральной линии партии против открытых и скрытых (эти еще более опасны) правых уклонистов, против перерожденцев, не аллилуйными резолюциями, а повседневной и упорной работой на всех участках политической жизни и хозяйственного строительства. Астраханщина требует особо внимательного отношения к деятельности классового врага, усиления контроля, усиления бдительности масс. Астраханщина наглядно оправдывает установки XV партийного съезда об усилении наступления на частно-капиталистические элементы города и деревни.

Уроки Астрахани показывают также, что печальный опыт Смоленска, Артемовска и Крыма кое-где бюрократически просто пришивается к делу, что из этого опыта не везде сделаны необходимые политические выводы. „Почивание на лаврах“, самоуспокоенность, обломовщину, невнимательное отношение к подбору кадров, к орабочению соваппарата еще далеко не везде удалось выкорчевать.

Астраханщина требует, решительнее всяких директив и резолюций, массового развертывания самокритики, превращения ее в основной метод работы партийных и массовых организаций. Самые громкие резолюции при наличии критикобоязни, при неумении придать самокритике конкретный характер, при неспособности направить ее против наиболее больных мест в той или иной организации, при неумении сделать ее оружием борьбы против классового перерождения, вредительства и бытового загнивания останутся ничемными, никому не нужными бумажками.

Астраханщина наносит также весьма решительный удар декларативному, кабинетному руководству, отгораживающемуся от живой действительности, не умеющему на каждый данный отрезок времени выделять основные звеньевые задачи, заменяющему повседневную проверку выполнения и людей ворохом резолюций десятки раз повторяющими старые давно пройденные зады.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
I. О чем говорят факты	5
1. Перерождение сов. аппарата	5
2. Разложение в парторганизации	11
3. Классово-политический смысл фактов и их причины	15
II. В разрез с генеральной линией партии	25
1. Частный капитал в рыбной промышленности	25
2. Как шло „наступление“ на частно-капиталистические элементы	29
3. Весна частного капитала и осень политических бан- кротов	31
4. Теоретическое оформление право-оппортунистической практики	37
III. Чему учит Астраханщина	40
